

вариваль зубы: чѣмъ опредѣленнѣй были его слова, тѣмъ неопредѣленнѣй становилось ихъ питающее молчаніе.

Не всегда толстовскія проповѣди возникали предъ нами въ видѣ каталога прописей. Изумляетъ насъ подчасъ полное косноязычіе проповѣдника, краснорѣчивѣйшаго художника слова. Косноязычіе это въ послѣдствіи переходитъ въ опредѣленность прописей: это знакъ того, что молчаливѣй предъ нами художникъ научился владѣть своимъ насильственнымъ творческимъ молчаніемъ. Наконецъ прописи переходятъ въ краснорѣчивую нѣмоту пресловутаго „*Круга Чтенія*“. Намъ ясно до очевидности, какъ могла у Толстого явиться мысль составленія этого „*Круга*“: обнаживъ корень-идею своего художественнаго творчества отъ будто бы ему ненужныхъ цвѣтовъ, лепестковъ, составляющихъ индивидуальную властность его, какъ художника слова, Толстой увидѣлъ предъ собою не себя самого, но лишь *схему* идеи; но ему хотѣлось видѣть не *схему*, а *квинтъ-эссенцію*. Схема идей толстовскаго творчества далѣе оказалась схемой вообще ряда подобныхъ идей, индивидуально высказанныхъ уже великими мудрецами всѣхъ временъ и народовъ. Силу этого индивидуальнаго высказыванья очевидно сознавалъ Толстой у другихъ; а свое безсиліе высказаться внѣ данныхъ художественной индивидуальности лишь смутно предчувствовалъ; и, предчувствуя неплѣнительность своихъ прописей, принялся старательно убирать эти прописи чужими цвѣтами великій художникъ слова. На безцѣльно торчащій подъ солнцемъ засыхающій творческій корень надѣвалъ гирлянды чужихъ цвѣтовъ (свои цвѣты Толстой предварительно старательно оборвалъ). Но чужіе цвѣты, оторванные отъ питающаго ихъ корня, праздно завяли на не питающемъ корнѣ толстовскихъ проповѣдей. Необходимость прибрать свои голыя прописи афоризмами изъ Конфуція, Будды и Шопенгауэра есть кризисъ послѣднихъ десятилѣтій Толстого. Кризисъ этотъ заключается въ томъ, что Толстой не могъ не увидѣть своей ошибки какъ проповѣдника. И желая исправить эту ошибку, проповѣдникъ Толстой замолчалъ, задавленный „*Кругомъ Чтенія*“.

„*Кругъ Чтенія*“ оказался не солнечнымъ кругомъ; онъ оказался кругомъ солнца, зарисованнымъ на бумагѣ: а такой кругъ—просто геометрическая фигура, и наивно въ ней видѣть крону свѣтлыхъ лучей. Но когда Толстой составлялъ этотъ „*Кругъ*“ (зарисовывалъ солнце карандашемъ на бумагѣ), вѣроятно ему видѣлась